

Т.В. Смирнова

СЕРГИЕВ ПОСАД: РЕПРЕССИИ 1920-Х ГОДОВ

В начале XX века Сергиев Посад, принимавший за год до полумиллиона приезжавших в Троице-Сергиеву лавру богомольцев, был маленьким мещанским городом (в 1899 г. число постоянных жителей около 13 тысяч человек). Дворян в нем жило совсем немного. В основном это вдовы, жены и дочери небогатых чиновников, офицеров¹. Положение изменилось после революции, когда дворян-помещиков стали выгонять из усадеб, а в столицах жизнь становилась все более трудной: не стало ни хлеба, ни дров. И тогда многие, спасаясь, бросились в провинцию, где выжить было все-таки легче. При этом в Сергиев Посад приезжали, в первую очередь, люди, глубоко верующие – для атеистически настроенных образованных людей этот город интереса не представлял.

Еще в 1917 году, после Февральской революции, оставил свою усадьбу и купил в Посаде дом граф Юрий Александрович Олсуфьев. В своих воспоминаниях он писал, что приехали они с женой сюда по благословению старца Оптиной пустыни Анатолия (Потапова) «под покров Преподобного»². Постепенно в городе стали селиться многие родственные или знакомые семьи. И скоро город стал прибежищем князей Трубецких, Голицыных, Шаховских, Мещерских, графов Олсуфьевых и Комаровских, дворян, носивших известные в истории фамилии, – Мансуровых, Истоминых, Лопухиных, Нарышкиных, Хвостовых, Раевских, Челищевых и др.³.

Скопление аристократов в небольшом городке вызывало беспокойство властей. И уже в начале 1925 г. были арестованы граф Ю.А. Олсуфьев, князь В.С. Трубецкой, граф В.А. Комаровский, А.И. Хвостова, дворянка, вдова петербургского чиновника Министерства внутренних дел, и ее дочь Е.С. Хвостова. Олсуфьев в это время являлся штатным сотрудником-экспертом по древнерусскому искусству Комиссии по охране памятников искусства и

старины Троице-Сергиевой лавры. В его деле было всего два доноса. В одном сообщалось, что в доме Зайчикова живет некий бывший фабрикант Вишняков, и у него собираются лица, как-то: князь Голицын, князь Трубецкой, граф Олсуфьев, Шик и Истомин. «Был случай на Троицын день, они вели таковое собеседование по вышеозначенному адресу за скромным чаем до позднего времени, вели тихий интимный разговор, подслушать не представлялось возможным». В другом доносе сообщалось только, что доносчик видел иногда Олсуфьева П.А. с Флоренским, идущих вместе и о чем-то изредка переговаривающихся. Он добавлял также, что к этим лицам «по характеру отношения к совласти» примыкает М.В. Шик»⁴. В 1920-е и в начале 1930-х многие еще не боялись заступаться за арестованных⁵. Олсуфьев через несколько месяцев был освобожден. Этому, очевидно, помогло заступничество архитектора А.В. Щусева, который подписал свое письмо как автор Мавзолея В.И. Ленину⁶.

Отпустили в тот раз и князя Владимира Сергеевича Трубецкого, хотя это был не первый его арест.

А вот графу Владимиру Алексеевичу Комаровскому никакие заступничества не помогли⁷. В 1923 г. он с семьей вынужден был покинуть подмосковную усадьбу Измалково. Приехал в Посад и нашел приют в доме Олсуфьева, своего дальнего родственника. Художник и иконописец, он был принят на работу в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. За него тоже заступался и А.В. Щусев, и другие известные деятели искусства. Но еще при первом аресте в 1921 г. Комаровский ответил на вопрос об отношении к советской власти: «По убеждениям я сторонник монархического образа правления, не ограниченного какой-либо конституцией»⁸. Сейчас кажется поразительной такая откровенность. Но вспомним, как декабристы отвечали императору Николаю I, не скрывая ни убеждений своих, ни действий. Граф потом пытался объяснить свою позицию: «... считая себя во время всей моей сознательной жизни монархистом, я в то же время никогда не принимал

никакого участия в общественной политической жизни, не принадлежал ни к каким монархическим обществам и союзам. <...> Вообще, будучи по призванию художником, никогда не интересовался общественной и политической жизнью. <...> Я по-прежнему считаю, что монархия есть та форма государственного устройства, которая может соответствовать нравственному идеалу»⁹. Видимо, он еще не понимал, что наказуемы в то время стали не только действия, но и мысли. Комаровского приговорили к административной высылке в г. Ишим (Урал) на три года¹⁰.

На следствии на вопрос об отношении к советской власти многие дворяне отвечали: «лояльно». Князь С. М. Голицын в своих воспоминаниях, рассуждая о том, стоило ли «за смелые, искренние ответы получать большие сроки, разбивая свое семейное счастье, оставляя семью иной раз без всяких средств к жизни», приводил в пример двух своих родственников – В.С. Трубецкого и Г.М. Осоргина: «Вот дядю Владимира Трубецкого тогда же арестовали (в пятый раз), и он вернулся, а Георгий [Осоргин] остался за решеткой, хотя монархистами являлись они оба. Наверное, и тот и другой были правы, Георгий не смог отречься от своих убеждений, а у дяди Владимира к этому времени [1927 г. – Т.С.] было шестеро детей, и следователям отвечал он «лояльно»...»¹¹.

Анна Ивановна Хвостова и ее дочь Екатерина Сергеевна, бывшая фрейлина царского двора, жили в Посаде в собственном доме, купленном А.И. Хвостовой специально для поездок на богомолье. Ко времени ареста они стали тайными монахинями. Приговор: административная высылка с запрещением проживать в ряде городов и соответствующих областях страны, или, как тогда говорили, «минус». Хвостовы получили «минус б» на три года¹². Имелись в виду города Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Ростов-на Дону, Одесса, а также приграничные местности. И Хвостовым пришлось навсегда покинуть собственный дом.

Разница между административной высылкой в определенное место и «минусом» главным образом в том, что при «минусе» разрешалось самим

выбирать место проживания. Сейчас некоторым подобные виды репрессий кажутся очень мягкими. В интернете встречаются, например, такие высказывания об административной высылке: «Да и можно ли назвать высылку репрессиями в полном смысле слова? Ведь переселяли не в Антарктиду, обрекая на голодную смерть. Их переселяли туда, где жили люди, советские граждане!» Или даже: «Высылка – это не наказание». Авторы таких высказываний, видимо, представляют себе административную высылку советского времени подобной ссылке царских времен, прочитав о том, как совсем неплохо жил в Шушенском Ленин, получая пособие от царского правительства.

Высылка 1920-х годов была намного жестче (хотя она представляется едва ли не «либеральной» по сравнению с годами 1930-ми). Высланному никто не предоставлял ни жилья, ни работы. Наоборот, в получении работы всячески препятствовали. Так, в деле Комаровского есть такое письмо местного отдела ОГПУ:

Секретно. Отд. “Хлебопродукт”

т. Макаровскому.

Сообщаю, что в принятии на службу на какую-либо должность В/учреждения админ.-ссылному Комаровскому В.А. отказать под каким-либо предлогом, не давая Комаровскому понять, что в поступлении ему тормозит Ишимский Окротдел ОГПУ»¹³.

И человек, оказавшийся далеко от дома, от близких, не знал, как выжить. И не мог оказать помощь семье, зачастую оставшейся без средств существования.

Нельзя забывать, что если уж на человека было заведено «дело», он, отпущенный или отбывший срок, оставался под подозрением. Дела хранились «вечно». А уж в 1937 г., когда вопрос стоял о выполнении плана по арестам, проще всего было взять старое дело... И Олсуфьев, и Комаровский, и Трубецкой, и Хвостовы пика репрессий в 1937–1938 гг. не пережили. Ю.А. Олсуфьев с 1928 г. работал в Москве в Центральном

реставрационных мастерских, потом – в Третьяковской галерее, спасал древние иконы и фрески. Расстрелян на Бутовском полигоне 14 марта 1938 г. После неоднократных арестов там же, в Бутове 5 ноября 1937 г. расстрелян В.А. Комаровский. После нескольких арестов В.С. Трубецкой выслан в 1934 г. на пять лет в г. Андижан (Узбекистан), но там, в 1937-м снова арестован и расстрелян. А.И. Хвостову снова арестовали в Вологде и расстреляли 20 января 1938 г. А ее дочь (монахиня Иннокентия) была арестована летом 1938 г., и след ее потерян.

Как правило, подвергались репрессиям и члены семей. Софья Владимировна, жена Олсуфьева погибла от голода в лагере в Свияжске в 1943 г. Старший сын Комаровского Алексей был арестован в 1933 г. Отбывал трехлетний срок в Мариинском и Кременчугском лагерях в Сибири. Дочь Антонина в 1942 г., как член семьи репрессированного, была выслана в Кировскую область без указания срока. С князем В.С. Трубецким была выслана, а в 1937 г. вместе с ним расстреляна его старшая дочь Варвара. Сын Григорий и дочь Александра получили 10 лет концлагеря. Александра в 1943 г. была «сактирована» – так поступали тогда, в годы войны, чтобы не расходовать продуктов на смертельно больных заключенных. Она скоро умерла. Жена Трубецкого Елизавета Владимировна скончалась в тюрьме в феврале 1943 г.

Заметим, что в доносах на Ю.А. Олсуфьева упоминались и другие имена, но этих людей взяли не сразу. Они были арестованы в конце того же года. И не каждый в отдельности, а в составе группы. Этому предшествовало решение комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП (б) – ускорить раскол в Православной Церкви и арестовать тех, кто после смерти Патриарха Тихона мог возглавить ее и воспротивиться проводимой государством антицерковной политике. Основные аресты были проведены в конце ноября – начале декабря 1925 г. Дело получило название дела «Даниловского синода» (или «дела митрополита Петра Полянского»). Вокруг настоятеля Свято-Даниловского

монастыря в Москве архиепископа Федора (Поздеевского) группировались лица, которые предостерегали Патриарха Тихона от чрезмерных уступок властям и, в частности, от переговоров с «обновленцами». Патриарх в шутку называл Даниловский монастырь «конспиративным Синодом»¹⁴.

Из этого дела была выделена так называемая «Сергиевская Самаринская группировка». В обвинительном заключении сказано: что «в Москве создалась черносотенная церковная группировка, стремившаяся разжигать и поддерживать постоянное обострение между церковью и Соввластью в надежде на иностранное вмешательство в защиту первой или на интервенцию». Эта группировка получила название по фамилии бывшего обер-прокурора Синода Александра Дмитриевича Самарина, якобы возглавлявшего ее, и включала в себя так называемых «бывших людей» – жителей г. Сергиева: дипломата Павла Борисовича Мансурова, товарища обер-прокурора Синода Петра Владимировича Истомина, князя Ивана Сергеевича Мещерского, Федора Алексеевича Челищева, священника о. Сергия Сидорова, диакона о. Михаила Шика. А.Д. Самарин, женатый на дочери С.И. Мамонтова, жил в мамонтовской усадьбе Абрамцево, неподалеку от Сергиева Посада¹⁵. Остальные члены этой «группировки» приехали в Сергиев Посад в послереволюционные годы.

Все арестованные были заключены в Бутырскую тюрьму. Особое совещание при коллегии ОГПУ приговорило их к разным видам и срокам наказания. Из членов «Сергиевской самаринской группировки» П.В. Истомин получил самое суровое наказание – три года заключения в концлагерь на Соловках. Видимо, причиной было то, что он являлся одним из тех, кто поставил подпись под письмом митрополиту Сергию (Страгородскому), в котором его убеждали не идти на уступки новым властям. А.Д. Самарин был выслан в Сибирь на три года. Тот же срок получил высланный в Зырянский край (Коми АССР) Ф.А. Челищев. А М.В. Шик был выслан на два года в г. Турткуль (Каракалпакская АССР), в ссылке он принял сан священника. Князь И. С. Мещерский, получив «минус 6»,

поселился в Орле. О. Сергей Сидоров, получив «минус б», уехал с семьей во Владимир. П.Б. Мансуров отбывал свой трехлетний срок («минус б») в Новгороде.

Мы видим, что при арестах 1925 г. брали не на коренных жителей города, а приехавших в город после революции лиц главным образом дворянского происхождения, в основном активно участвовавших в церковной жизни.

А.Д. Самарин, вернувшись из Якутии, жил в Костроме. Добавочный трехлетний срок высылки «минус б» не позволял приехать в Москву. Он скончался 30 января 1932 г. П. Б. Мансуров летом 1932 г. попал в Москве под трамвай. П.В. Истомин уцелел в Соловецком лагере, но в 1934 г. его и детей – Сергея и Ксению арестовали, обвинили в создании «монархической религиозной организации» и после тюремного заключения выслали в г. Кокчетав (Казахстан). В конце 1936 г. Петр Владимирович был снова арестован и в 1937-м был то ли расстрелян, то ли погиб в лагере. Тот же путь прошел и князь И.С. Мещерский. Он погиб на Колыме. Священника Сергея Сидорова арестовали снова в 1930 г. Три года он находился в концлагерях. Последний арест – в 1937-м. 27 сентября 1937 г. его расстреляли в Бутове в один день с его другом священником Михаилом Шиком.

После арестов 1925 г. в Сергиеве все еще оставалось немало лиц, также вызывавших подозрение властей. И в мае 1928 г. в городе прошли большие аресты. Начинались годы «великого перелома». В декабре 1927 г. на XV съезде партии были приняты решения о первом пятилетнем плане и о коллективизации сельского хозяйства. Появился лозунг: «Долой кулака и пособника его – попа». В стране начали активно фабриковать дела по обвинению тех, кого называли классовыми врагами. Одним из таких крупных дел стало в 1928 г. сергиевopосадское дело, инициированное сверху¹⁶.

Началось оно с мартовского номера журнала «Безбожник у станка», где были помещены с соответствующими комментариями «Списки личного состава церковных советов г. Сергиева». Люди, попавшие в эти «Списки»

пытались объяснить, что статья является сплошным вымыслом, но все было напрасно. «Рабочая газета» – ежедневная газета ЦК ВКП (б) – опубликовала статью «Троице-Сергиевский музей», без подписи. В ней предъявлялись различные обвинения сотрудникам Сергиевского историко-художественного музея и Музея местного края. А буквально на следующий день в той же газете под рубрикой «Гнездо черносотенцев под Москвой» появилась статья «Шаховские, Олсуфьевы, Трубецкие и др. ведут религиозную пропаганду». Автор ее А. Лясс (видимо, псевдоним) смешал самых разных людей, общим у которых было только то, что они принадлежали титулованным фамилиям. Но если граф Ю.А. Олсуфьев работал в историко-художественном музее, а княжна А.Д. Шаховская – в Музее местного края, то князь В.С. Трубецкой ни малейшего отношения к музеям не имел. И обвинение этих лиц в том, что будто бы эти лица украли из архива Лавры какие-то документы, было абсолютно бессмысленным.

А тут очень кстати в ночь с 11 на 12 мая кто-то выстрелил в окно заместителя заведующего агитпропом Укома ВКП (б) Костомарова. Осталось неизвестным, стреляла ли из ревности жена Костомарова, или вообще история с выстрелом была подстроена. Костомаров, возглавлявший также сергиевское отделение Союза воинствующих безбожников, остался цел и невредим и вскоре отправился на учебу в Москву в институт Красной профессуры¹⁷. Но этот случай стал хорошим предлогом, чтобы организовать травлю так называемых «бывших» и людей, близких к Церкви. В газете «Рабочая Москва» 17 мая появилась фотография этого самого окна и статья «Сергиевский “музей” – рассадник поповщины». Автор ее, подписавшийся И. Ам-ий, особенно обрушился на книгу П.А. Флоренского и Ю.А. Олсуфьева «Амвросий, троицкий резчик XV века»: «Надо быть действительно ловкими нахалами, чтобы под маркой “научной книги” на десятом году революции давать такую чепуху читателю советской страны, где даже каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа, не что иной, как поповское шарлатанство. Питая читателя такой дрянью, засевающие в

стенах этого богатейшего хранилища мужи всячески препятствовали тому, чтобы запыленные документы о прошлом лавры стали общим достоянием трудящихся масс»¹⁸.

В журнале «Безбожник у станка» было подчеркнуто, что в Сергиевом Посаде живут многие дворяне, в том числе князья и графы, поселившиеся в городе в послереволюционные годы, а также лица, близкие к Церкви (торговец православной книгой Елов¹⁹, профессора Московской духовной академии²⁰).

Травлю подхватила и местная газета «Плуг и молот». Появились статьи с заголовками: «Весь монастырь под рабочий поселок», «Водка, религия и хулиганство – наследие царского режима», «Требуем сурового наказания обнаглевших черносотенцев» и т.п.

В городе в мае 1928 г. было арестовано более 80 человек и заведено дело «Анτισоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево Московской области»²¹. Рассмотрим список арестованных по этому делу, разделив их условно на несколько категорий и указывая характеристики, записанные в деле²².

Дворяне

Есипов Александр Сергеевич, 33 лет, б/дворянин

Лопухин Алексей Сергеевич, 46 лет, б/аристократ-помещик

Шувалов Михаил Алексеевич, 60 лет, из дворян

Истомин Сергей Петрович, 18 с половиной лет, б/дворянин

Истомина Софья Ивановна, 43 лет, б/дворянка

Васильчикова Екатерина Павловна, 21 год, б/дворянка

Верховцева Вера Тимофеевна, 71 год, б/дворянка

Верховцева Наталья Александровна, 34 лет, б/дворянка

Гончарова Наталья Ивановна, 64 лет, дочь бывш. уездного предводителя дворянства в Волоколамске

Дудкина Евгения Яковлевна, 56 лет, сестра Фрейлебен

Мордвинова Валентина Николаевна, 40 лет, б/помещица, школьный работник

Олив Елизавета Сергеевна, 47 лет, б/фрейлина

Орлова Ольга Александровна, 31 г., б/дворянка, внучка Петербургского градоначальника

Писаренко Валерия Виссарионовна, 46 лет, б/дворянка, жена б/вице-губернатор, наход. в ссылке

Родзянко Ксения Андреевна, 21 г., б/дворянка

Фрейлебен Зинаида Яковлевна, 64 лет, б/дворянка, дочь начальника Орловского охранного отделения

Шауфус Татьяна Алексеевна, 47 лет, из семьи присяжного поверенного

Шаховская Анна Дмитриевна, 39 лет, б/княжна, сейчас научный сотрудник музея

Монахи²³

Васильев Андрей Семенович [Арсений], 51 год, б/монах, сейчас сторож музея

Васин Михаил Павлович [Марк], 58 лет, б/иеродиакон, сейчас сторож музея

Глущенко Матвей Макарович [Мелетий], 59 лет, б/иеромонах, сейчас сторож музея

Дичин Иван Александрович [Ипатий], 66 лет, б/иеромонах

Дыров Александр Николаевич [Аристарх], 54 лет, б/монах, сейчас сторож при музее

Егоров Дмитрий Иванович [Диомид], 53 лет, б/иеромонах, сейчас научный работник и сторож художественного музея

Кононенко Савва Иванович [Серафим], 57 лет, б/иеродиакон, сейчас сторож музея

Ларин Петр Петрович [Паисий], 39 лет, игумен

Ларичев Даниил Иванович [Дамиан], 58 лет, б/иеромонах, сейчас сторож музея

Малютин Игнатий Андреевич [Ипатий], 56 лет, б/иеродиакон, сейчас сторож музея

Марченко Михаил Григорьевич [Максимилиан], 57 лет, б/иеромонах

Покатов Николай Васильевич [Варнава], 51 год, б/иеромонах, служит в музее.

Порошин Яков Ефимович, [Иасон], 44 лет, иеромонах

Потапов Иван Николаевич [Иероним], 52 лет, б/иеродиакон, сейчас сторож музея

Семенчинский Михаил Николаевич [Мирон], 58 лет, б/иеромонах, сейчас сторож музея

Сморчков Никон Флорович [Никодим], 59 лет, б/иеродиакон, сейчас сторож музея

Снисаренко Егор Герасимович [Геннадий], 52 лет, б/иеродиакон, сейчас сторож музея

Белое духовенство

Архангельский Александр Сергеевич, 48 лет, поп села Хотьково

Баринов Михаил Григорьевич, 46 лет, поп села Озерецкое

Габрияник Алексей Иванович, 30 лет, поп

Журенков Дмитрий Александрович, 47 лет, поп

Заозерский Александр Павлович, 73 лет, поп

Соболев Василий Сергеевич, 41 год, поп

Тихомиров Василий Сергеевич, 58 лет, диакон

Троицкий Александр Константинович, 43 лет, диакон с. Хотьково

Профессора МДА

Введенский Дмитрий Иванович, 55 лет, профессор богословия, сейчас зав. музеем при школе кустарного ученичества

Глаголев Сергей Сергеевич, 63 лет, б/профессор Духовной академии

Нечаев Петр Васильевич, из поповской семьи, окончил Духовную академию, сейчас школьный работник в Сергиеве

Флоренский Павел Александрович, 39 лет, б/профессор Духовной академии

«Церковники»

Александров Павел Васильевич, 63 лет, из крестьян, церковный староста

Горохов Михаил Сергеевич, 26 лет, кустарь – активный церковник

Егоров Семен Сергеевич, 71 год, б/торговец, активный церковник

Елов Михаил Савинович, 66 лет, торговец, церковный староста

Ермолаев Гавриил Андреевич, 43 лет, б/купец, церковный староста, сейчас торгует папиросами

Зимин Борис Михайлович, 56 лет, из крестьян, член церковного совета и помощник церковного старосты

Ушков Федор Васильевич, 58 лет, извозчик, активный церковник

Бывшие полицейские

Банин Михаил Дмитриевич, 54 лет, из дворян, жандарм, полковник

Белов Владимир Ефимович, 34 лет, сын урядника
Белов Ефим Гаврилович, 56 лет, б/урядник
Ватагин Петр Кузьмич, 54 лет, б/полицейский
Журавлев Михаил Дмитриевич, 51 год, б/жандарм
Рытавцев Евгений Логинович, 61 год, б/жандарм
Соколов Алексей Кузьмич, 73 лет, б/пристав в течение 23 лет
Чистов Василий Егорович, 53 лет, б/жандарм

Торговцы

Гробов Владимир Александрович, 56 лет, торговец игрушками в собственном магазине
Жучкин Александр Иванович, 42 лет, зажиточный крестьянин, занимается барышничеством
Коньков Никон Андреевич, 33 лет, из семьи торговца, сейчас работает счетоводом в п/о «Смычка»
Сысоев Петр Иванович, 46 лет, торговец с 1905 года
Телицын Сергей Иванович, 39 лет, б/торговец, сейчас кустарь
Федоров Иван Васильевич, 43 лет, торговец кондитерскими изделиями

Лица разных профессий

Буточников Яков Андреевич, 57 лет, зажиточный крестьянин
Гранберг Николай Владимирович, 43 лет, из мещан, железнодорожный врач
Евстафьев Николай Алексеевич, 34 лет, из крестьян, кустарь
Запрудский Итиль Федорович, 51 г., юрист
Зарецкий Николай Александрович, 53 лет, юрист, секретарь нарсуда
Лагутин Тихон Михайлович, 55 лет, зажиточный крестьянин, лишенный избирательных прав²⁴
Мамонтова Александра Саввишна, 50 лет, дочь б/миллионера (железнодорожного акционера)
Новиков Михаил Федорович, 31 год, часовщик, б/член ВКП (б), имеет собственную мастерскую
Родионов Николай Федорович, 59 лет, из крестьян, безработный
Шатрова Сарра Николаевна, 52 лет, б/фабрикантша

Власть декларировала необходимость «очистки» города от так называемых «бывших» (княгинь, князей, графов и т.п.), но в списке

арестованных оказалась только одна титулованная особа – княжна А.Д. Шаховская, работавшая в Музее местного края. Граф Ю.А. Олсуфьев, поняв, что готовятся аресты, покинул город. А большинство дворян мужского пола были арестованы ранее, так что пришлось довольствоваться в основном женщинами-дворянками, главным образом, пожилыми и вдовыми. Видно, что власть раздражали, прежде всего, приезжие, выделявшиеся из общей массы и происхождением, и образованностью. Их и стремились удалить из города. К ним же были присоединены люди, так или иначе связанные с Церковью. В список арестованных попали монахи (17 человек), в том числе те 14, которые служили в музее; священники и диаконы (8 человек); церковные старосты и лица, охарактеризованные как активные церковники (13 человек); четыре бывших профессора МДА, а также те, кто, видимо, чем-то не угодил местным властям: торговцы, кустари и люди некоторых других профессий.

Часть лиц, входивших в состав группы, были хорошо знакомы друг с другом, например, монахи, служившие сторожами в музее. Но совершенно невозможно представить, что могло быть общего у Е.С. Олив, бывшей фрейлины, и А.И. Жучкина, зажиточного крестьянина, занимающегося барышничеством, или С.С. Глаголева, профессора МДА, и Г.А. Ермолаева, торговца папиросами. Однако городские власти, несомненно, решили создать солидное дело, так что требовалось создать видимость большой группы людей, подозреваемых во враждебном отношении к советской власти.

В обвинительном заключении записано: *«Я, пом. нач. СО ОГПУ – Полянский, рассмотрев дело № 60110 по обвинению гр. Елова Михаила Саввиновича, Введенского Дмитрия Ивановича и др. в количестве 80 чел. по ст. 58/10 УК нашел.*

Согласно имеющихся агентурных данных СО ОГПУ было известно, что уже поименованные граждане, проживая в г. Сергиеве и частью в Сергиевском уезде и будучи по своему социальному происхождению “бывшими” людьми (княгини, князья, графы и т.п.), в условиях оживления

антисоветских сил начали представлять для Соввласти некоторую угрозу, в смысле проведения власти по целому ряду вопросов. Имеющиеся в распоряжении СО ОГПУ агентурные данные стали подтверждаться на страницах периодической печати. Так, например, на засилье в Сергиевском уезде черносотенцев было указано в журн. "Безбожник у станка" (№ 3), в газ. "Рабочая газета" № 109 от 12 и 17/ V и др. И действительно, все обвиняемые, будучи заняты в большинстве случаев или торговлей, или кустарным ремеслом (выделка игрушек, вязание чулок) или, наконец, отправлением религиозных обрядов в церкви, как служители культа, одновременно с этим занимались антисоветской агитацией. Это последнее увязывалось ими со всякого рода поводами. Так духовенство (Заозерский, Дичин, Архангельский, Троицкий и др.) использовали церковный амвон и отдельные группы верующих, агитируя против действий Соввласти; зажиточные крестьяне (Буточников, Жучкин и др.) срывали мероприятия Соввласти по проведению самообложения, землеустройству и т.п.; бывш. монахи Лавры (Марченко, Егоров, Ларичев, Кононенко, Семенчинский и др.), устроившись на Совслужбу в музей, образованный на месте бывшей Троице-Сергиевой Лавры, создали целую группу антисоветски настроенных лиц, агитировавших также против Соввласти. Почти все обвиняемые, благодаря своего происхождения, а также положения, занимаемого ими в дореволюционное время, так и сейчас идеологически были родственны между собой и составляли целую группу черносотенного элемента, настроенного резко враждебно по отношению к Соввласти. Об этом, не скрывая, заявляют на допросе обвиняемые. Так, напр., обвиняемый Истомин показал, "точно определить свои политические взгляды я затрудняюсь, но, во всяком случае, я больше всего близок к монархистам. Как-то на вечере в Сергиеве я выступил с защитой памяти Николая Романова. Осуждая политику Соввласти в том, что т.н. бывшая аристократия подвергается репрессиям, гонениям и т.п.". Обвиняемые Истомина С.И., Лопухин А.С., Мамонтова А.С. открыто причисляют себя к монархистам. Естественно

поэтому, что выстрел из револьвера, производившийся в целях убийства зам. зав. агитпропом Укома ВКП (б) тов. Костомарова, смаковался больше всего в этой среде. Естественно также, с другой стороны, что малейшее послабление органов Соввласти в расследовании данного дела могло бы усилить контрреволюционный элемент Сергиевского уезда.

Принимая во внимание вышеизложенное, я полагал бы передать данное дело на рассмотрение тройки при СО ОГПУ. Все обвиняемые перечислены в прилагаемых при сем списках.

29.V.28

пом. нач. 6 СО ОГПУ Полянский»²⁵

Арестованные были допрошены всего один раз. Отпущены были немногие. Большинство приговорено к различным видам наказания: к административной высылке с запрещением проживания в ряде определенных местностей, к административной высылке в определенную местность, к заключению в концентрационный лагерь. Лица, получившие так называемый «минус», то есть запрещение проживать в определенных городах и областях, могли сами выбирать место проживания, но одни прикреплялись к определенному месту, для других такого ограничения не было. При высылке в определенную местность осужденные по делу 1928 г. попадали или на Север (Архангельск), или в Среднюю Азию (Ташкент)²⁶.

Дело рассматривало Особое совещание при коллегии ОГПУ. Первый раз 08 июня, при этом большинство приговоров было весьма суровым. Но уже 22 июня то же Особое совещание приговоры пересмотрело²⁷. Можно предположить, что пересмотр состоялся благодаря вмешательству Е.П. Пешковой²⁸. Часть приговоров остались прежними, часть была смягчена, порой значительно. Например, сначала арестованный приговаривался к высылке в Казахстан на три года, а потом получал «минус 1» и уезжал в Ленинград. Понять причину суровости приговора одних и сравнительной мягкости других не удалось. Возможно, разницей объясняется малограмотностью следователя. Вот формулировка обвинения, данная им

при рассмотрении дел некоторых монахов: *«как бывший монах, проживавший много лет в монастыре не сочувствующий к социалистическому строительству, а потому принимая его монашеский сан подходит к монархическому строю»*²⁹.

Самое суровое наказание получил М.Д. Банин, бывший жандармский полковник, дворянин. Он был приговорен к 10 годам лагеря на Соловках. Большинство дворян, арестованных по этому делу, получило «минус 6» и поселилось в Тверской, Тульской, Ярославской, Брянской областях. А В.Н. Мордвинову вовсе освободили. Тяжелее других пришлось С.С. Тучковой. Она сама явилась в ОГПУ 30 мая, когда все намеченные к аресту 80 человек уже были взяты, и потому не была включена в общий список. Ее дело рассматривало Особое совещание отдельно – 13 июля. Она была приговорена к высылке на 3 года в Казахстан, но благодаря просьбе родственницы заменили высылкой в Воронеж.

10 из 18 проходивших по данному делу монахов получили высылку в Архангельск или в Среднюю Азию. Один – Максимилиан (Марченко) получил трехлетний лагерный срок и был отправлен в Соловецкий лагерь. Можно предположить, что особая суровость наказания связана с тем, что во время Первой мировой войны он был командирован в Ставку Верховного Главнокомандующего и совершал богослужения в штабной церкви. А некоторые монахи получили «минус 1» и уезжали из Сергиева Посада на родину. Например, Мелетий (Глущенко) вернулся в свой родной Конотоп. Отправились в родные края Арсений (Васильев) и Никодим (Сморчков).

Большинство других арестованных по этому делу получили «минус 6» и поселились в основном в городах и областях центральной России. Исключением были священник В.С. Соболев, высланный в Архангельск; священник А.И. Габрияник, «активный церковник» М.С. Горохов и бывший жандарм В.Е. Чистов, высланные в Среднюю Азию; бывший пристав А.К. Соколов и профессор МДА С.С. Глаголев, высланные в Пензенскую

губернию; юрист И.Ф. Запрудский, высланный в Вологодскую губернию. А четырех человек отпустили после месячного пребывания в тюрьме.

Выдающегося ученого священника П.А. Флоренского сначала приговорили к «минусу 6», потом – к «минусу 1». (Но в справке о реабилитации указано, что при пересмотре дела исключено только прикрепление к определенному месту жительства³⁰). Он уехал в Нижний Новгород, однако благодаря хлопотам Е.П. Пешковой уже осенью 1928 г. был возвращен в Москву.

Дальнейшая судьба большинства арестованных по этому делу осталась неизвестной. Но в Книгах памяти Владимирской, Восточно-Казахстанской, Калининской, Калужской, Ярославской областей и других материалах из интернета удалось проследить скорбный путь некоторых из них. Видно, что рано было радоваться освобождению или не слишком суровому приговору 1928 г. Так, В.Н. Мордвинова, заведующая Краеведческим музеем в Сергиевом Посаде, была тогда освобождена. А в 1935 г. выслана в Семипалатинск (Казахстан). Зарабатывала на жизнь репетиторством по немецкому и русскому языкам. Арестована в ноябре 1937 г. и приговорена к 10 годам ИТЛ³¹.

У К.А. Родзянко и Т.А. Шауфус это был уже не первый арест. В апреле 1920 г. они как активистки Всероссийского союза сестер милосердия были арестованы по групповому делу участников «Белого Креста», приговорены к заключению в концлагерь. В 1922-м освобождены благодаря ходатайству Е.П. Пешковой. Работали в Сергиеве в больнице, входили в окружение о. Павла Флоренского. В 1928 г. получили «минус 1» и уехали в Ленинград. Но уже на следующий год были снова арестованы и приговорены к трем годам высылки в Иркутскую область. В 1933 г. Е.П. Пешковой удалось получить для них разрешение на выезд за границу. Жили в Париже, с 1934 г. – в Праге, работали в Комитете помощи беженцам. В 1938 г. выехали в США.

И Родзянко, и Шауфус были хорошо знакомы с дочерью Льва Толстого. Как вспоминала Александра Львовна, они «любили приходить ко

мне в Мерзляковский переулок, где была штаб-квартира Общества изучения творчества Л.Н. Толстого. <...> Американский Красный Крест пригласил Т.А. Шауфус в США из Чехословакии, где она и К.А. Родзянко работали в Комитете помощи беженцам». Шауфус стала одной из основательниц Толстовского фонда (1939 г.). Там же работала и К.А. Родзянко. После Второй мировой войны Фонд организовывал старческие дома для беженцев в Западной Европе и в Южной Америке³².

П.А. Флоренский снова арестован в 1933-м и расстрелян в 1937-м. Тогда же расстрелян и другой бывший профессор МДА С.С. Глаголев³³.

Е.С. Олив (из семьи дворян французского происхождения) арестовывали несколько раз, расстреляли в 1937 г.³⁴. А.С. Есипов³⁵ и священник Архангельский,³⁶ также расстреляны в 1937-м, а С.С. Тучкова – в 1938-м³⁷. И.А. Малютин (иеродиакон Ипатий), высланный на три года в Архангельск, служил после отбытия срока священником в селе Снятинове Александровского района Владимирской обл. Расстрелян в 1937 г. в Иваново³⁸.

Игумен М.Г. Марченко (Максимиллиан), получивший в 1928 г. трехлетний срок концлагеря, и священник А.И. Габрияник, высланный на три года в Среднюю Азию, скончались в заключении. Марченко после отбытия срока в 1931 г. служил в церкви Всех Святых на Кукуевском кладбище в Загорске. Вторично арестован в октябре 1935 г., обвинен в том, что «являлся участником контрреволюционной группировки, распускал контрреволюционные слухи о войне и гибели советской власти, хранил и распространял книгу Нилуса контрреволюционного содержания». Сослан на три года в Казахстан, отбывал срок в поселке Кармакчи Кзыл-Ординской области. Арестован в третий раз в 1937 г., обвинен в том, что «в ссылке, будучи по-прежнему враждебно настроенным против советской власти, систематически проводил контрреволюционную агитацию, призывал граждан: “Надо объединяться, чтобы сохранить Православную веру”». Был

осужден на 10 лет ИТЛ, срок отбывал в лагере поселке Чемолган Алма-Атинской области. Скончался в заключении 27.10. 1938 г.³⁹.

А.И. Габрияник, духовный сын зосимовского старца Алексия (Соловьева), в 1925 г. был рукоположен в иерея. Служил в Высоко-Петровском монастыре в Москве, потом в Петропавловской церкви в Сергиеве. После отбытия трехлетнего срока высылки получил на три года «минус 12». Жил в Воронежской области, просил милостыню. Арестован в 1933 г., обвинен в «принадлежности к монархической организации». Приговорен к трем годам ИТЛ. Отбывал в Мордовии, в Темниковском лагере. Потом скитался по деревням Владимирской области. Иногда ему удавалось устроиться на работу чернорабочим на складе, техником-лаборантом в эпидемиологической лаборатории и т.п. Служил и совершал требы на домах у верующих. В 1940–1941 гг. жил в Загорске, работал фельдшером, санитарным врачом. Во время войны, лишившись прописки, перешел на нелегальное положение, служил в домах у верующих и оказывал медицинскую помощь. Арестован в 1946 г., обвинен в «участии в антисоветской церковной организации и антисоветской агитации». Находился в Лубянской тюрьме. Получил 4 года заключения во Владимирской тюрьме строгого режима. В 1950 г. отправлен в ссылку в Красноярский край. Умер по дороге в пересыльной тюрьме города Кирова⁴⁰.

Семья Истоминых после ареста в 1928 г. жила в Твери. В 1931 г. Истомины переехали в Орел. Там все члены семьи, кроме Софьи Ивановны, были в 1934 г. арестованы и затем получили три года высылки в г. Кокчетав (Казахстан), где их сын Сергей Истомин скончался от тифа⁴¹.

А.К. Соколов скончался в ссылке в Саранске в 1931 г.

Священник села Озерецкого М.Г. Баринов высланный на три года из Московской обл., жил в селе Заклинье Рамешковского района Калининской обл. Арестован в 1936 г. и осужден на 5 лет лишения свободы и три года лишения политических прав⁴².

Дела монахов, высланных на три года в Архангельск, были после окончания срока высылки рассмотрены Тройкой ПП ОГПУ Севкрая по внесудебному рассмотрению дел. Новый приговор: «минус 12» с запрещением проживать также в городах Уральской обл. и приграничных районах. Дальнейшая судьба этих монахов неизвестна.

А.С. Лопухину удалось уехать за границу. Первый раз он был арестован в 1924 г. Освобожден благодаря хлопотам сестры и поселился в Сергиевом Посаде, зарабатывал тем, что вязал чулки. Получив в 1928 г. «минус 6», поселился в Твери, работал в Тверском горкомхозе «пробёром», то есть брал пробы воды в Волге и ее притоках. Родственники жены выкупили за валюту его и всю семью (у него было семеро детей). Лопухины уехали в Эстонию, потом в Германию, а после войны – в США⁴³.

Таковы события 1920-е годов в Сергиеве Посаде (Сергиеве). Времена, по выражению Анны Ахматовой, были «сравнительно вегетарьянские». Тридцатые были впереди.

¹ *Филимонов К.А.* Сергиев Посад. Страницы истории. XIV – начало XX века. М., 1997. С. 141, 181, 183.

² *Олсуфьев Ю.А.* Буюцкий дом, каким мы оставили его 5 марта 1917 года // Наше наследие. 1994. № 31. С. 122

³ *Смирнова Т.В.* «...под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. СВТСЛ. 2007.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д.Р. 25193. Л. 1, 3.

⁵ Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М. 1998.

⁶ *Смирнова Т.В.* Ю.А. Олсуфьев: материалы к биографии // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 158. С. 334.

⁷ Просим освободить из тюремного заключения... С. 69–72.

⁸ Дело 3 Р-40940. 1921 г. Машинописная копия, сделанная А.В. Комаровской в ЦА ФСБ РФ.

⁹ Там же.

¹⁰ Дело по обвинению Комаровского Владимира Алексеевича № 31986. Машинописная копия, сделанная А.В. Комаровской в ЦА ФСБ РФ.

¹¹ *Голицын Сергей.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 221.

¹² *Раевский С.П.* Пять веков Раевских. М., 2005. С. 275–277; *Смирнова Т.В.* «...под покров Преподобного»... С. 201–208.

¹³ Общий следственный фонд. Дело по обвинению Комаровского Владимира Алексеевича. Дело № Р-39929. Т.2. С. 26. Машинописная копия, сделанная А.В. Комаровской в ЦА ФСБ РФ.

¹⁴ Просим освободить из тюремного заключения... С. 169–171.

¹⁵ О Самарине А.Д. см.: *Чернышова-Самарина Е.А.* Александр Дмитриевич Самарин // Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 121–203.

¹⁶ Обзор выступлений в печати по поводу так называемых «церковников» г. Сергиева (март–май 1928 г.) см.: *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Второй арест // П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 31–41.

Бандитский выстрел черносотенцев в антирелигиозников // Плуг и молот (еженедельная Сергиевская газета). 17.05.1928. № 38; ЦГАМО. Ф. 314. Д. 48. Л. 142–143.

¹⁸ См. также: *Смирнова Т.В.* О книге «Амвросий, троицкий резчик XV века // Энтелехия. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. Вып. 10(86). Кострома. 2005. С. 48–53.

¹⁹ О книгоиздателе и книготорговце М.С. Елове см.: *Смирнова Т.В.* М.С. Елов – последний издатель В.В. Розанова // Энтелехия. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 19. С. 30–31.

²⁰ О судьбах профессоров МДА см.: *Голубцов Сергей*, протоиерей. Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999.

²¹ Просим освободить из тюремного заключения... С. 171–172.

²² Ряд имен в списке был уточнен: Бокатов – правильно: Покатов; Увков – правильно: Ушков; Писаренко Валерий Виссарионович, б/дворянин – правильно: Писаренко Валерия Виссарионовна, б/дворянка, жена б/вице-губернатора, находящегося в ссылке; Теплицын – правильно: Телицын; Глушенко – правильно: Глущенко; Ратавцев – правильно: Рытавцев; Запруцкий – правильно: Запрудский.

²³ Для монахов, служивших в музее, удалось выяснить монашеские имена (приведены в квадратных скобках), что важно для составления лаврского Синодика лиц, пострадавших в годы советской власти.

²⁴ О жителях Сергиева Посада, лишенных избирательных прав («лишенцах») см.: *Смирнова Т.В.* Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Труды ГИМ. Забелинские научные чтения – 2003. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2004. С. 205–209.

²⁵ Цит. по: *Половинкин С.М., П.В. Флоренский.* «Гнездо черносотенцев под Москвой...» // *День (газ.). 1992 № 5 (33).*

²⁶ *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* // П.А. Флоренский: арест и гибель... С. 53. Авторы не делают различия между двумя видами административной высылки, вследствие чего высказывают удивление рассказу Е.П. Васильчиковой о том, что ей предложили выбрать город, куда ее вышлют.

²⁷ Сведения о пересмотре приговоров по данному делу и о видах и сроках наказания даются по материалам Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Режим доступа: kuz3.pstbi.ru/bin/nkws.exe/koj/nm/.

²⁸ Е.П. Пешкова возглавляла «Политический Красный Крест» или «Помполит», осуществлявший помощь политическим заключенным

²⁹ См. прим. 26.

³⁰ *Флоренский П.В.* После гибели (1937–1991) // П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 182.

³¹ Сведения ДКНБ РК по Восточно-Казахстанской области. Режим доступа: list.memo.ru>d23/f243.htm; Дворяне: книга памяти. Режим доступа: pkk.memo.ru>page 2 / KNIGA/html.

³² Версия для печати: «Белый Крест». Режим доступа: argument.ru/print/history/n13/31893; Санкт-Петербургский мартиролог духовенства и мирян. Режим доступа: petergen.com>bovkalomar/luthm.html; Религиозные деятели русского зарубежья. Режим доступа: zarubezhje.narod.ru > tyo/Sh_119.htm; Толстая. Письмо Сухотиной Т.Л. Режим доступа: feb-web.ru > feb/tolstoy/critics/nta/nta-393-.htm.

³³ *Голубцов Сергей.* Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. М., 1999. С. 31, 105.

³⁴ Книга памяти Калужской области. Режим доступа: pkk.memo.ru>letters_pdf/0011897.pdf; [эл. ресурс] maloarhangelsk.ru.oliv/.

³⁵ Книга памяти Владимирской области. Режим доступа: lists.memo.ru/d12/1248.htm.

³⁶ Книга памяти Ярославской области. Режим доступа: lismemo.ru>d2/f266.htm.

³⁷ Списки граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда. Режим доступа: viz.nir.ru>search/lists/t8/242_3html; Дворяне: книга памяти. Режим доступа: pkk.memo.ru>page 2 / KNIGA/html.

³⁸ Комиссия по канонизации святых. Владимирская епархия. Режим доступа: vladkan.ru>personal/1209010000.html.

³⁹ Русская православная Церковь. Митрополичий округ Республики Казахстан. Чимкентская и Таразская епархия. Режим доступа: eparhiya.kz > index.php...

⁴⁰ Новомученики и исповедники Вятской земли. Режим доступа: martirologvyatka.ortodox.ru > viatskijj_sinodik_-

⁴¹ *Трубецкая К.П.* Воспоминания о Петре Владимировиче Истомине // Хоругвь, 1993. Вып. 1.

⁴² Книга памяти Калининской области. Режим доступа: list.memo.ru>d3/1290.htm.

⁴³ Род Допухины – Родовод. Режим доступа: ru.rodovid.org>wk/Род; *Смирнова Т.В.* «...под покров Преподобного»... С. 184–188.

Сокращения

ДКНБ РК – Департамент комитета национальной безопасности Республики Казахстан

ГИМ – Государственный исторический музей

МДА – Московская духовная академия

ПП ОГПУ – Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления

СНК – Совет народных комиссаров

СО ОГПУ – Секретный отдел Объединенного государственного политического управления

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦГИМО – Центральный государственный архив Московской области

ЦК ВКП (б) – Центральный комитет Всероссийской коммунистической партии
большевиков

**Опубл.: Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XV. М., 2014. С. 17–
33.**